

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

РУСЛАН
ЕРОФЕЕВ

ХТОНЬ

Человек
с чужим лицом

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е78

Художник — *Андрей Мозгалеvский*

Ерофеев, Руслан Николаевич.

Е78 Хтонь. Человек с чужим лицом / Руслан Ерофеев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098925-6

Расследуя жестокое убийство школьницы, следователь по особо важным делам Артем Казарин в поисках загадочного маньяка оказывается сначала в психушке, а затем — на зоне. Рядовое сексуальное преступление, совершенное в советской глубинке времен застоя, неожиданно начинает влиять на судьбы всего человечества, которое вместо обещанного в пророчествах Второго Пришествия получает смертельные болезни, войны, терроризм...

Удастся ли Артему настичнуть серийного убийцу? И как мог бесследно пропасть плод убитой девы?

Роман основан на реальных событиях — преступлениях сексуальных маньяков, совершенных в 1980-х годах в СССР.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ерофеев Р. Н., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-098925-6

Книга основана на реальных событиях.
Все совпадения не случайны

Часть третья

АРТЕМ. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Центральная Россия, 1980-е годы н. э.

Где кончается безумие и начинается реальность?

*Говард Ф. Лавкрафт,
«Морок над Инсмутом»*

Глава 1

ВОСКРЕСШИЙ

Ядерный рассвет оказывается не совсем таким, как предполагалось, а главный герой узнаёт, что такое «тройной Брежнев» и какие доисторические животные паслись в тени Парфенона.

Темнота. Голоса. Вой сирены «Скорой помощи». Жесткие носилки. Тоскливая вонь лекарств и яркий электрический свет, бьющий в глаза. Противная резиновая кишка, змеей заползающая в желудок. И снова тьма...

Так вот оно как — воскресать после ядерного взрыва...

Артем пришел в себя от чьих-то страстных поцелуев. Мягкие губы настойчиво и требовательно лобзали взсос его распухшую от пьянства моську и обветренный рот.

— Настя... — прошептал он, торопливо отвечая на поцелуи любимой. — Настенька, значит, ты меня простила, и все дерьмо теперь позади...

В ответ Настя почему-то хрюкнула и ответила голосом покойного Брежнева:

— Мы заверяем вас, товарищ Хонеккер, что советский народ всегда готов оказать помощь блядской... э-э-э, братской нашей... вашей... этой, как бишь ее... Нигерии!

Казарин с трудом разлепил веки, которые, казалось, какая-то сволочь намазала клеем «Момент». Никакой Насти не было. Вместо нее на Артеме восседал верхом Леонид Ильич Брежнев. Вид у генсека был, признаться, неказистый. Он выглядел так, будто много лет пролежал в старом сундуке, где его как следует поела моль. Причем это зловредное насекомое сожрало не только брови Брежнева, но и ордена, мундир и даже шевелюру, оставив вождя КПСС в мятой застиранной пижамке в матрасную полосочку. От квазигенсека сильно несло мочой.

— Давай, Лёня, сделай ему «тройной Брежнев»! — залихватски воскликнули откуда-то сбоку.

Артем повернул голову и увидел полуголого мужика, сидевшего по-турецки на железной койке, что, впрочем, не мешало ему елозить задницей и подпрыгивать от нетерпения на пружинистой панцирной сетке.

Мгновение спустя побитый молью Брежнев заключил Казарина в крепкие коммунистические объятия и смачно облобызал трижды: вначале в левую небритую щеку, затем в такую же правую и наконец засосал казаринские губы, словно вантуз. С соседней койки заулюлюкали.

Артем, отплевываясь во все стороны, попытался вырваться из горячих брежневских объятий. Но не тут-то

было: оказалось, что он наикрепчайше связан по рукам и ногам. Не хуже, чем товарищ Хонеккер — присутствием советской Западной группы войск в Германии. С соседней койки издевательски заготовали.

— Леонид Ильич, голубчик, заканчивайте свои лобзания, видите же, молодой человек нездоров и нуждается в покое. — Откуда-то слева возник благообразный старичок в пенсне и мягко взял Брежнева за плечо.

— Как у Берии! — вырвалось у Артема.

— Прошу прощения, что вы сказали, любезнейший? — вежливо переспросил козлобородый старикашка в пенсне, чем-то похожий на знакомого Артему букиниста Аристарха Анемподистовича.

Казарин отвернулся. Губа после суровых брежневских засосов саднила.

— Ну ничего, ничего, молодой человек, отдохните, — мягко промолвил старичок. — Где же еще отдохнуть, как не здесь.

— Этот херов генсек мне, кажется, губу прокусил! — Артем еще раз поводит языком по распухшей слизистой.

— Да-с, весьма прискорбно, — отозвалось пенсне. — Но вам, молодой человек, еще повезло. Когда наш уважаемый Леонид Ильич приветствовал в своей излюбленной манере его светлость. — Старик кивнул куда-то назад, где, как догадался Артем, стояла четвертая койка, которую он отсюда не видел. — Он самым натуральнейшим образом порвал барону губу! Пришлось даже зашивать! А вы говорите...

«Его светлость», невидимая Артему с койки, не проронила ни слова.

— Да ни черта я не говорю! — разозлился Казарин. — Где я вообще? Что тут за цирк у вас?

— Где, где, в санатории ВЦСПС, вот где! — хохотнул тип, который только что подзуживал Леонида Ильича совершить «тройной Брежнев». — Тут тебе номер люкс — с койкой, полотенцами для связывания и самим Брежневым заместо массовика-затейника!

— Вы в доме скорби, молодой человек, — печально вздохнул старичок в пенсне. — И лишь от вас зависит, перенесете ли вы эту скорбь со стойкостью, свойственной миллиардам поколений ваших доисторических предков, или дадите ей пожрать себя полностью, как это свойственно, увы, многим представителям вида Гомо Сапиенс.

Артем не понял, что имеет в виду старик, и на всякий случай промолчал. Траченный молью Брежнев тем временем неуклюже сполз с его спеленатой тушки и топтался возле койки, словно бегемот перед актом дефекации.

— Да что же это я стою! — хлопнул себя по высокому лбу старик. — Позвольте вам представить наше небольшое, но дружное общество!

— ...Сегодня из поездки по блядским... м-м-м, братским странам Восточной Европы вернулись лично Леонид Ильич Брежнев и соображающие за него лица, — вставил Брежнев. — М-м-м, простите, сопровождающие...

— Вот это, как вы изволили догадаться, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев, — светски склонился интеллигентный старикан в сторону «генсека», не обращая внимания на его бессвязное бормотание. — Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Брежнев в ответ промычал нечто невнятное про враждебную гидру империализма и Андропова, который, сука, подселел его и сдал сюда.

— Это наш Михаил Евграфович, — продолжил носитель пенсне, как на светском приеме. Только не Салтыков-Щедрин, как вы наверняка изволили подумать, а Шкуркин. Если вы ему понравитесь, он, возможно, поведаст вам свою невероятную, но при этом совершенно правдивую историю.

Тезка Салтыкова-Щедрина не слышал, что о нем говорят. Он был занят важным делом: самозабвенно мастурбировал, массируя ляжками свой недоразвитый отросток. На брежневские поцелуи, что ли, так возбуждился? Но интеллигентного дедугана такое поведение, судя по всему, ничуть не смущало, и он продолжал:

— А в дальнем конце палаты у окна, на привилегированном, так сказать, месте, у нас содержится титулованная особа. Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Ре, граф де Бриён, сеньор д'Ингран и де Шанту. Кажется, я верно упомянул все титулы вашей светлости, ничего не запамятовал? Вообще-то я специалист в несколько иной области знаний, довольно далекой от истории и совсем уж не имеющей отношения к геральдике...

«Светлость» и на этот раз проигнорировала почтительные речи старика.

— Что с вами, ваша светлость? Вам дурно? Не позвать ли доктора? — забеспокоился козлотородый. — Нет? Ну, как вам будет угодно, батенька, как угодно... Ах, покорнейше прошу простить меня, молодой человек, ведь я сам забыл представиться вам! Аполлинарий Венедиктович Гаплевский, профессор, доктор биологических наук. Хотя истинное мое призвание, увлечение всей моей жизни или, как сейчас стало модно говорить, хобби — палеонтология! Царица наук, каковая одна в состоянии ответить, откуда мы пришли, а может быть — и куда мы идем...

— Артем, — хмуро отрекомендовался Казарин. — Алкоголик. А может, и шизофреник. Вскрытие покажет.

— Самокритика и умение шутить над собой всегда отличали гомо сапиенс от прочих представителей животного мира! — одобрительно улыбнулся Гаплевский.

— А вы-то, собственно, из-за чего сюда угодили? — с любопытством спросил Казарин.

— Я пытался доказать научному миру факт существования доисторических животных в исторические времена, — печально вздохнул профессор. — Например, в эпоху античности...

— А что, разве вокруг Парфенона по ночам паслись мамонты? — съязвил Казарин. — Ах да, их же Геракл на ночь к колоннам привязывал, чтобы они в Атлантиду не удрали!

— Простите, уважаемый Артем, но вы в корне неверно интерпретировали мое высказывание, — покачал многомудрой лысиной Гаплевский. — Видите ли, известный писатель-фантаст Иван Ефремов¹ где-то упоминал про пряжку из скифского кургана, хранящуюся в Эрмитаже, на которой изображен... представьте себе, саблезубый тигр смилодон! А оснований не верить ему у меня нет.

— Кому — тигру? — вновь поддел Артем.

— Какому тигру? — удивился профессор. — Ах нет, не тигру, разумеется, а Ефремову!

¹ Иван Антонович Ефремов (1908–1972) — советский писатель-фантаст, ученый-палеонтолог, философ-космист, автор романов «Лезвие бритвы», «Час быка», «Таис Афинская» и др. В кругу единомышленников любил повторять, что он пишет фантастику потому, что это единственный способ говорить правду читателю в тоталитарном обществе.

— Ну, конечно, фантаст фигни не напишет! — ухмыльнулся с койки Казарин. — Только всю правду, как она есть, выскажет!

— Видите ли, молодой человек, Иван Антонович был прежде всего выдающимся ученым-палеонтологом и только во вторую очередь — литератором, — строго поджав губы, погрозил Артему пальцем профессор. — Смилодоны совершенно точно обитали на территории обеих Америк еще в десятом тысячелетии до нашей эры, а скифской пряжке никак не может быть многим более двух с половиной тысяч лет! Другого объяснения возможности существования этого артефакта, кроме как путешествия в незапамятные времена к берегам обеих Америк крито-минойских мореплавателей (а может, и вовсе атлантов!), я лично не вижу. Не знаю уж, с натуры ли делал пряжку скифскому вождю греческий мастер — скорее всего, с какого-либо не дошедшего до наших дней еще более древнего изображения. Но причин, по которым первобытному чудовищу нельзя очутиться в тени Парфенона или, скажем, египетских пирамид, я не вижу! В конце концов, встречали же мамонтов в Сибири казаки из отрядов Ермака. А это уже совсем близкие к нам времена!..

— Скажите еще, что вы сами их видели — мамонтов да динозавров, — скептически хмыкнул Артем.

— Видел! — выпучил глаза профессор, но тут же погрустнел: — Но теперь меня подлечили, и больше не вижу..

— Эй, Бреднев, на укол! — послышался грубый женский голос, вернув споривших о невообразимо древних временах людей к унылой реальности.

Секунду спустя крепкая жилистая ручища, которая, казалось бы, никак не могла принадлежать женщине,

появилась в поле зрения Казарина и отвесила жирного леща коечному онанисту.

— Опять дронишь, паскуда! — заругалась невидимая Артему бабища. — Вот посажу ты в женскую палату — там тебе причиндалы-то пообрывают! Ну-ка, психи вонючие, отвяжите ентого! Яво завотделением чавой-то взыскалси...

Артему не составило труда догадаться, что это была санитарка и говорила она про него. Через секунду та же борцовская ручища выхватила бедного Брежнева за шкирку «из кадра». А интеллигентный старичок склонился над Артемом и принялся распутывать хитрые узлы и петли дурдомовских полотенец под аккомпанемент генсековского бурчания:

— Брежнев умер, а тело его живет!

— Топай, топай, паразит! Таблетки принимать не хош — подставляй сраку! — ворчала санитарка.

Артем, пути которого уже ослабил старик профессор, разглядел, что ее сопровождает санитар — холеный качок из тех, что косят на таких вот «придурочных» должностях от армии.

— Я сегодня принимаю не таблетки, а французского посла! — обиженно буркотал Леонид Ильич, которого холеный брезгливо, двумя пальчиками подцепил за шкирку и повел к выходу. — Его тоже в сраку?

— Давай, давай, шевели булками, чрезвычайный и полномочный посол на хер! — улюлюкал со своей койки Михаил Евграфович, продолжая, подобно своему великому тезке, дело Гоголя, но очень по-своему.

Казарин вдруг вспомнил («Черт бы ее побрал, эту эйдетическую память!») строчки из письма «злейшего друга» Гоголя — Белинского, который в одном из писем Боткину написал по поводу автора «Ревизора» и «Мертвых душ»: «Вот что делает с человеком она-

низм». В те времена бытовало убеждение о губительном действии подобных манипуляций на здоровье. Упоенно теребящий крайнюю плоть Михаил Евграфович служил живым примером антинаучности подобных заблуждений.

«Дурдом!» — меланхолически подумал Артем и сел на койке, растирая затекшие, исколотые иглами шприцов и капельниц руки. Он чувствовал себя словно в детстве, когда только проснулся и организм настолько слаб, что даже не можешь сжать кулаки. А сжать кулаки ему сейчас очень хотелось.

Глава 2

ШИЗОФРЕНИЯ, КАК И БЫЛО ПРИКАЗАНО

Главный герой узнаёт кое-что новое об одном маленьком пушистом зверьке и лишний раз убеждается в расхожем мнении, что все психиатры сами немного чокнутые.

— Так вы утверждаете, что не далее как на днях беседовали с Берией? — зевнув, спросил заведующим и с ленцой записал что-то в своих бумажках.

Бумажки были не просто бумажки, а история болезни. Его, Артема, болезни.

— Да ничего я не утверждаю! — взвился Казарин. — Что вы мои слова все время перевираете? Вы спросили меня, я вам и рассказал про то, что видел. — И, устало вздохнув, добавил: — Ну не знаю я, что это было...

— А скажите, образы, которые вы видели, были объемными? — продолжил врач опрос, который сильно напоминал допрос. — Ну, рукой их потрогать было можно?